

В. Г. Белинский

**Общая риторика Н.Ф.
Кошанского**

Виссарион Григорьевич Белинский

Общая риторика

Н.Ф. Кошанского

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2770735*

Аннотация

«Наука – великое дело. В этом согласны все – от мудреца до безграмотного простолюдина. Ученье свет, неученье тьма, говорят наши русские мужички. В наше время эта истина становится аксиомой. Но и враги учения и наук еще не перевелись, и – что всего хуже – они не всегда неправы в своих нападках на ученость и ученых. Мы говорим не о тех противниках просвещения, которые только во мраке невежества и дикости нравов видят неиспорченность мысли и чистоту нравственности: нет...»

Содержание

Виссарион Григорьевич Белинский

Общая риторика

Н.Ф. Кошанского

Рецензия

Наука – великое дело. В этом согласны все – от мудреца до безграмотного простолюдина. Ученье свет, неученье тьма, говорят наши русские мужички. В наше время эта истина становится аксиомой. Но и враги учения и наук еще не перевелись, и – что всего хуже – они не всегда неправы в своих нападках на ученость и ученых. Мы говорим не о тех противниках просвещения, которые только во мраке невежества и дикости нравов видят неиспорченность мысли и чистоту нравственности: нет, об этих изуверах обскурантизма, об этих чадах тьмы, об этих фанатиках и лицемерах ложно понимаемого добронравия не стоит труда и говорить. Но нельзя не обратить внимания на тех противников просвещения, которые вооружаются не столько против науки, сколько против ученых, которые, основываясь на простом здравом смысле и на простом практическом чувстве, не теорией, а указанием на знакомых им ученых доказывают то пустоту и бесполезность, то даже вред учения. Объясним это приме-

ром. Положим, г. NN – человек не учившийся, но умный от природы, образовавшийся опытом жизни и не чуждый некоторой начитанности, повинуваясь духу времени, взял для своего сына учителя словесности. И вот учитель аккуратно является давать юноше уроки, проходит с ним грамматику, реторику, поэзию, логику. Кончен курс словесности; все довольны: сын – что узнал столько мудреных и полезных наук; отец – что выполнил свой долг; учитель – что образовал нового словесника. Но вдруг декорация переменяется.

Отец определяет своего сына на службу и хочет, чтоб тот служил под его руководством. Для практики он дает ему составлять выписки из дел, задает ему писать разные бумаги официального содержания, – и что же? Он с удивлением видит, что во всех юридических опытах его сына бездна красноречия, троп и фигур не оберешься, а дела нет и признаков; слог отличный, поистине высокий, а что-нибудь понять в нем нет никакой возможности. В другое время он просит сына написать письмо о том-то и тому-то: та же история! Периоды круглые, с понижениями и повышениями; после предложения, начинающегося с «хотя», всегда следует предложение, начинающееся с «однако»; слово «кто» всегда соответствует слову «тот» и т. д.; но письмо тяжело, неприлично, неуклюже, как семинарист в обществе. «Что же это значит?» – думает отец. – «Сын мой не глуп, способности у него есть, в обществе он держит себя прилично и говорит как принято, а на письме – фразер, педант, надутый враль, тяжелый болтун.

Учился он по хорошей книге, по «Реторике» г. Кошанского, которая везде принята за лучшее руководство и напечатана девятым изданием; учитель – человек известный, учит во всех домах и меньше десяти рублей за урок не берет; все это так, – но чему же выучился мой сын?» Далее отец замечает, что его сын, прошед полный курс словесности, следовательно, выучившись и поэзии, узнав и историю русской словесности, свысока рассуждает иногда о величии гения Державина, вскользь упоминает и о Пушкине, а между тем, читает только новые романы и водевили, совершенно не интересуясь ничем иным. Зная название всех наиболее известных сочинений на отечественном языке, он только из некоторых читал отрывки, а большей части совсем не читал. И вот, делать нечего, отец спорит с сыном, кое-как переламывает его, приучает хорошо писать и деловые бумаги и письма. Сын стал хоть куда! Но тогда отец с удивлением замечает, что сын его исправился благодаря тому, что совершенно забыл, как вздор, все, чему учил его учитель словесности. Какое же отец должен вывести мнение из всего этого? – Разумеется, такое, что науки и ученье – вредный вздор. И он прав, тысячу раз прав: за него факт и, может быть, тысячи таких фактов. Какое ему дело рассуждать, что за наука – реторика, может ли и должна ли она преподаваться и так ли ее преподают? Он знает, что реторике учат во всех училищах, что без реторики никого не признают ученым, знает, что его сын учился по реторике, изданной девятым изданием, везде принятой за

руководство, – и в то же время он знает, что риторика – су- щий вздор, не только бесполезный, но и страшно вредный.

Много можно привести таких примеров, доказывающих, что от учения люди часто ничего не выигрывают, а много проигрывают: выигрывают – тяжесть, сухость, педантизм, претензии, а проигрывают здравый смысл, живость ума, ин- стинкт истины, такт действительности. «Метафизик» Хем- ницера действительно бессмертная вещь: говоря об учении и ученых, часто поневоле вспомнишь о ней...

Но наука и ученье тут ни в чем не виноваты, потому что надо строго отличить науку и ученье от состояния, в котором наука и ее преподавание находятся в известное время и в из- известном обществе. Конечно, людям практическим, которые привыкли обо всем судить на основании здравого смысла и опыта, которые ценят вещи по их результатам, видят их, как они суть, а не так, как бы должны были быть, – таким людям мало дела до необходимости отделять злоупотребление нау- ки от самой науки, – и они совершенно правы с своей точки зрения. И потому мы хотим поговорить здесь о риторике не для того, чтоб убедить практических людей в высоком до- стоинстве риторики вообще и «Риторики» г. Кошанского в частности, а для того, чтоб практические люди не презирали всякой науки и всякого знания потому только, что риторика – вздорная наука и вредное знание.

Злоупотребление многих вещей происходит большею ча- стию оттого, что люди смешивают между собою самые раз-

личные вещи. Так, например, чаще всего смешиваются у нас понятия: наука и искусство. Самое слово наука у нас неверно выражает заключенное в нем понятие. Простой народ наш правильнее употребляет это слово, говоря о мальчишке, отданном учиться сапожному ремеслу: он отдан в науку. То, что называется scientia, science, Wissenschaft¹, у нас должно бы называться не наукою, а знанием. Наука ничему не учит, ничему не выучивает: она дает знание законов, по которым существует все существующее; она многообразие однородных предметов приводит в идеальное единство. Искусство имеет более практическое значение: оно больше способность, талант, умение что-либо делать, нежели знание чего-либо. Искусства бывают двух родов: творческие и технические. Деятельная, производительная способность в первых бывает в людях, как дар природы; учение и труд развивают этот дар, но самого дара не дают тем, кому не дано его природою. Технические искусства даются людям наукою в том смысле, как понимает это слово простой народ, – в смысле практического учения, изучения, навыка. И в творческих искусствах есть своя техническая сторона, доступная и бездарным людям: можно выучиться писать легкие и гладкие стихи, разбирать ноты и лучше или хуже разыгрывать их, срисовывать копии с оригиналов и т. п., но поэтом, музыкантом, живописцем нельзя сделаться учением и рутинною. Все, что существует, существует на основании неизменных и ра-

---

¹ scientia (латин.), science (франц.), Wissenschaft (нем.) – наука. – *Ред.*

зумных законов и потому подлежит ведению науки (знание); следовательно, и искусство подлежит ведению науки, но не иначе, как только предмет знания, а совсем не как предмет обучения, т. е. мастерство, которому можно выучиться посредством науки. Искусствам учатся – это правда, особенно таким, в которых техническая сторона преимущественно важна и трудна; но здесь учение особенного рода – учение практическое, а не теоретическое, учение не по книге, а по наглядному указанию мастера. Таковы и все технические искусства, все ремесла. Напишите самое ясное, самое толковитое руководство к искусству шить сапоги, – самый понятливый и способный человек в пятьдесят, во сто лет не выучится по вашей книге шить сапоги так хорошо как бы выучился он в несколько месяцев у хорошего мастера при посредстве его наглядных указаний и своего упражнения и навыка. В таком точно отношении находится наука к искусству. Иной эстетик-критик судит лучше художника о произведении самого этого художника, но сам не в состоянии ничего создать. В сфере искусства ученый знает, художник умеет. Но не все, к несчастью, понимают это и теперь; еще меньше все понимали это прежде. Вот откуда явилась риторика, как наука красноречия, наука, которая брала на выучку кого угодно сделать великим оратором; вот откуда явилась пиитика, как наука делать поэтами даже людей, которые способны только мостить мостовую.

Риторика получила свое начало у древних. Социализм и

республиканская форма правления древних обществ сделали красноречие самым важным и необходимым искусством, ибо оно отворяло двери к власти и начальствованию. Удивительно ли, что все и каждый хотели быть ораторами, хотели иметь влияние на толпу посредством искусства красноречия? Поэтому изучали речи великих ораторов, анализировали их и дошли до открытия тропов и фигур, до источников изобретения; стали искать общих законов в частных случаях. Оратор сильно всколебал толпу могучим чувством, выраженным в фигуре вопрошения, – и вот могучее чувство отбросили в сторону, а фигуру вопрошения приняли к сведению: эффектная де фигура, и на ней как можно чаще надобно выезжать – всегда вывезет. Это напоминает басню о глупом мужике или глупой обезьяне, которая, увидев, что ученый, принимаясь за чтение, всегда надевал на нос очки, тоже достала себе очки и книгу, хотела читать и с досады, что ей не читается, разбила очки. Но люди бывают иногда глупее обезьян. Из наблюдений и анализа над речами великих ораторов они составили сбор каких-то произвольных правил и назвали этот сбор реторикою. Явились риторы, которые к ораторам относились, как диалектики и софисты относились к философам, и начали обучать людей искусству красноречия; завелись школы, но из них выходили все-таки не ораторы, а риторы. Какая разница между оратором и ритором? Такая же, как между философом и софистом, между присяжным судьей (jury) и адвокатом: философ в диалектике

видит средство дойти до знания истины, – софист в диалектике видит средство остаться победителем в споре; для философа истина – цель, диалектика – средство; для софиста и истина и ложь – средство, диалектика – цель; присяжный судья видит свою цель в оправдании невинного, 'в осуждении виновного; адвокат видит свою цель в оправдании своего клиента, прав ли он, или виноват – все равно. Оратор убеждает толпу в мысли, великость которой измеряется его одушевлением, его страстию, его пафосом и, следовательно, жаром, блеском, силою, красотою его слова; ритору нет нужды до мысли, в которой он хочет убедить толпу: ритор – человек маленький, и мысль его может быть подленькою, даже у него может не быть вовсе никакой мысли, а только гаденькая цель, – и лишь бы ее удалось ему достигнуть, а до прочего ему нет дела. И там, где оратор берет вдохновением, бурей страстей, громом и молниею слова, там ритор хочет взять тропами и фигурами, общими местами, выточенными фразами, округленными периодами. Но в древности риторика еще имела какой-нибудь смысл. Когда в какой-нибудь республике переводились на время великие люди, тогда народом управляли крикуны и краснобаи, т. е. риторы. А много ли людей, которые для такой цели не стали бы учиться риторике? – Но скажите, бога ради, зачем нужна риторика в новом мире? Зачем она даже в Англии и во Франции? Ведь Питт и Фокс были не только ораторы, но и государственные люди? Ведь в наше время, когда вся общественная машина

так многосложна, так искусственна, даже и великий по таланту оратор недалеко уйдет, если в то же время он не будет государственным человеком. И каким образом риторика сделает кого-нибудь красноречивым в Англии и во Франции, и кто из английских и французских парламентских ораторов образовался по риторике? Разве риторика дает кому-нибудь смелость говорить перед многочисленным собранием? Разве она дает присутствие духа, способность не теряться при возражениях, умение отразить возражение, снова обратиться к прерванной нити речи, находчивость, талант всемогущего слова «кстати»? Приведем известный пример из древнего мира. Демосфен говорил о Филиппе, а ветреные афиняне толковали между собою о новостях дня; раздраженный оратор начинает им рассказывать пустую побасенку, – и афиняне слушают его внимательно. «Боги! – воскликнул великий оратор: – достоин вашего покровительства народ, который не хочет слушать, когда ему говорят об опасности, угрожающей его отечеству, и внимательно слушает глупую сказку!» Разумеется, эта неожиданная выходка устыдила и обрзумила народ. Скажите: какая риторика научит такой находчивости? Ведь подобная находчивость – вдохновение! Вздумай кто-нибудь повторить эту выходку – толпа расхохочется, потому что толпа не любит людей, которые велики или находчивы задним числом. Какая риторика даст человеку бурный огонь одушевления, страсть, пафос? Нам возразят: конечно, не даст, но разовьет эти счастливые дары природы.

Неправда! их может развить практика, трибуна, а не реторика. Гений полководца нуждается в хороших книгах о военном искусстве, но развивается он на полях брани. И чем бы могла реторика развить гений оратора: неужели тропами, метафорами и фигурами? Но что такое тропы, метафоры и фигуры, если выражение страсти – не произведение вдохновения? Истинный оратор употребляет тропы и фигуры, не думая о них. То энергичское выражение, которым он всколебал толпу, иногда срывается с его уст нечаянно, и он сам не предвидел, не находил его в своей голове, будучи отделен от него только двумя словами предшествовавшей фразы. Ученикам задают писать тропы и фигуры: не значит ли это задавать им работу – быть вдохновенными, страстными? Это напоминает соловья в когтях у кошки, которая заставляет его петь. Да чего не бывает на белом свете! В старину в семинариях, в классе поэзии, задавали ученикам описывать в стихах разные назидательные предметы...

Итак, какую же пользу может приносить реторика? Не только реторика, – даже теории красноречия (как науки красноречия) не может быть. Красноречие есть искусство, – не целое и полное, как поэзия: в красноречии есть цель, всегда практическая, всегда определяемая временем и обстоятельствами. Поэзия входит в красноречие как элемент, является в нем не целью, а средством. Часто самые увлекательные, самые патетические места ораторской речи вдруг сменяются статистическими цифрами, сухими рассуждени-

ями, потому что толпа убеждается не одною красотою живой изустной речи, но вместе с тем и делом, и фактами. Один оратор могущественно властвует над толпой силою своего бурного вдохновения; другой – вкрадчивою грациею изложения; третий – преимущественно ирониею, насмешкой, остроумием; четвертый последовательностью и ясностью изложения и т. д. Каждый из них говорит, соображаясь с предметом своей речи, с характером слушающей его толпы, с обстоятельствами настоящей минуты. Если б Демосфен вдруг воскрес теперь и заговорил в английской нижней палате самым чистым английским языком, – английские джентльмены и Джон Буль ошкаркали бы его; а наши современные ораторы плохо были бы приняты в древней Греции и Риме. Мало того: французский оратор в Англии, а английский во Франции не имели бы успеха, хотя бы они, каждый в своем отечестве, привыкли властвовать над толпой силою своего слова. И потому, если вы хотите людям, которые не готовятся быть ораторами, дать понятие о том, что такое красноречие, а людям, которые хотят быть ораторами, дать средство к изучению красноречия, – то не пишите реторики, а переберите речи известных ораторов всех народов и всех веков, снабдите их подробною биографиею каждого оратора, необходимыми историческими примечаниями, – и вы окажете этою книгою великую услугу и ораторам и не ораторам.

Но зачем реторика у нас в России? – Затем, чтоб учить детей сочинять?.. Многие смеются над определением грам-

матики, что она учит правильно говорить и писать. Определение очень умное и очень верное! Всеобщая грамматика есть философия языка, философия человеческого слова: она раскрывает систему общих законов человеческой речи, равно свойственных каждому языку. Частная грамматика учит не чему иному, как правильно говорить и писать на том или другом языке: она учит не ошибаться в согласовании слов, в этимологических и синтаксических формах. Но грамматика не учит хорошо говорить, потому что говорить правильно и говорить хорошо – совсем не одно и то же. Случается даже так, что говорить и писать слишком правильно значит говорить и писать дурно. Иной семинарист говорит и пишет, как олицетворенная грамматика, его нельзя ни слушать, ни читать; а иной простолюдин говорит неправильно, ошибается и в склонениях и в спряжениях, а его заслушаешься. Из этого не следует, чтоб грамматике не должно было учиться и чтоб грамматика была вздорная наука: совсем напротив! Неправильная речь одаренного способностью хорошо говорить простолюдина была бы еще лучше, если б он знал грамматику. Дело в том только, чтоб грамматика знала свои границы и слушалась языка, которого правила объясняет: тогда она научит правильно и писать и читать; но все-таки только правильно, не больше: учить же говорить и писать хорошо – совсем не ее дело. Сколько мы догадываемся, на это претендует риторика. Нелепость, сушая нелепость! Кто готовится в государственные ораторы, – тот пусть изучает речи

государственных ораторов, слушает их, как можно чаще бывает в обществе государственных людей; кто готовится в адвокаты, тот пусть не выходит из судебных мест, пусть ищет общества адвокатов; но еще лучше, если тот и другой как можно чаще сами будут пробовать свои силы на избранном поприще; кто хочет блистать своим разговором в светском обществе, тот пусть живет в свете; кто хочет посвятить себя литературе, тот пусть изучает писателей своего отечества и следит за современным движением литературы. Но и тот, и другой, и третий, и четвертый больше всего пусть опасаются реторики! Скажут: и в искусстве говорить, особенно в искусстве писать, есть своя техническая сторона, изучение которой очень важно. Согласны; но эта сторона несколько не подлежит ведению реторики. Ее можно назвать стилистикою, и она должна составить собою дополнительную, окончательную часть грамматики, высший синтаксис, то, что в старинных латинских, грамматиках называлось: *syntaxis ornata* и *syntaxis figurata*². Этот высший синтаксис должен заключать в себе главы: 1) о предложениях и периодах, 2) о тропах и 3) об общих качествах слога – чистоте, ясности, определенности, простоте и проч. в отношении к выражению. В главе о предложениях и периодах должны быть объяснены общие, на логическом строении мысли основанные формы речи; в периоде должно показать силлогизм; надобно обратить особенное внимание на то, чтоб отделить внешнюю форму

---

² изукрашенный синтаксис, образный синтаксис (латин.). – *Ред.*

от внутренней и научить по возможности избегать школьной формы выражения. Так, например, всякий школьник, особенно учившийся по «Реторике» г. Кошанского, необходимою принадлежностью условного периода почитает союзы: если, то; надо внушить ему, что условность может заключаться и в периоде без если и то, как, например: скажешь правду, потеряешь дружбу, и что эта последняя форма проще, легче и лучше первой. В главе о тропах не должно гоняться за пошлыми примерами или искать их непременно в сочинениях известных писателей, но брать их преимущественно в обыкновенном, разговорном языке, в пословицах и поговорках. Надо показать ученику, что тропы породили необходимость образного выражения и что тропы лучше всего объясняют и оправдывают философское положение: «Ничего не может быть в уме, чего не было в чувстве». Лучшие примеры тропов должны быть в таком роде: острый ум, тупая память, следы преступления, иметь кусок хлеба и т. п. Что касается до фигур, которые, как известно, разделяются риториками на фигуры слов и фигуры мыслей, – то о них лучше всего совсем не упоминать. Кто исчислит все обороты, все формы одушевленной речи? Разве риторы исчислили все фигуры? Нет, учение о фигурах ведет только к фразистости. Все правила о фигурах совершенно произвольны, потому что выведены из частных случаев. Что касается до главы о слоге вообще, – она должна состоять из опытных наблюдений, из общих замечаний и отнюдь не должна претен-

довать на наукообразное изложение. Чтоб приучить ученика владеть фразою и не затрудняться в выражении мысли, – всего менее нужна теория и всего более практика. «Упражняйте его в переложении стихов на прозу, а главное – в переводах с иностранных языков. Это истинная и единственная школа стилистики. Борьба между духом двух различных языков, сравнение средств того и другого для выражения одной и той же мысли, всегдашнее усилие найти на своем языке фразу, вполне соответствующую фразе иностранного языка: это всего лучше развяжет перо ученика и, кроме того, всего лучше заставит его вникнуть в дух родного языка. Но эти так называемые источники изобретения, эти топики, эти общие места (*lieux communs*), которыми риторика гордится, как своим истинным и главным содержанием, – все это решительно пустяки, и пустяки вредные, губительные. Мальчику задают сочинение на какую-нибудь описательную, а чаще всего отвлеченную тему; велят ему или описать весну, зиму, восход солнца, или доказать, что лень есть мать пороков, что порок всегда наказывается, а добродетель всегда торжествует; боже великий, какое варварство! Мальчик сочиняет! Мальчик – сочинитель! Да знаете ли вы, господа-риторы, что мальчик, который сочиняет, почти то же, что мальчик, который курит, волочится за женщинами, пьет водку?.. Во всех этих четырех случаях равно губительно упреждается природа искусственным развитием, и мальчишка играет роль взрослого человека. Где ему рассуждать о природе, ко-

гда вся прелесть, все блаженство его возраста в том и состоит, что он любит природу, не зная как и за что? А вы заставляете его находить причины его любви к» природе и анализировать это чувство! Мальчик любит своих товарищей, с некоторыми из них дружен, – почему? – По простой симпатии, которая влечет человека к человеку, соединяет возраст с возрастом, – а вы заставляете его насильно уверяться, что это происходит в нем то от того, то от другого, то от нужды в помощи ближнего, то от пользы общего труда! Что из этого выходит? – Мальчик был добрый шалун, который любил своих товарищей просто за то, что ему с ними было весело, – этот мальчик, искусившийся в реторике, начинает разделять свое чувство на простое знакомство, на приязнь и дружбу; дружбы у него является несколько родов, и он уже по рецептам начинает направлять свое расположение к ближним, и его чувство делается искусственно, ложно. Из живого, здорового полностью чувства ребенка делается рефлектер, резонер, умник, и, чем лучше он говорит о чувствах, тем беднее он чувствами, – чем умнее он на словах, тем пустее он внутренно. От дружбы не далека любовь, – и вот прежде, чем пробудилась в нем неопределенная потребность этого чувства, он уже знает любовь в теории, говорит об измене, ревности и кровавом мщении. Он влюбляется не по невольному влечению, а по выбору, по рефлексии, и описывает, анализирует свое чувство или в письме к другу, или в своем дневнике, или в стишонках, которые он давно уже кропает. Резуль-

тат всего этого тот, что в мальчишке не остается ничего истинного, что он весь ложен, что непосредственное чувство у него заменено прихотью мысли. Прежде, нежели почувствует он что-нибудь, он назовет это, определит. Он не живет, а рассуждает. И вот он уже не мальчишка, ему уже двадцать лет, – и в этот-то счастливый возраст полноты жизни он старик: на все смотрит с презрением, с ирониею; он все испытал, все узнал; для него нет счастья – осталось одно разочарование, одни погибшие надежды, его настоящее скучно, будущее мрачно. Вот оно – нравственное растрение, вот оно – развращение души и сердца! Конечно, много причин такому явлению, и смешно было бы всю вину взвалить на реторику; но ясно и неопровержимо, что реторика – одна из главных причин такого грустного явления. Мальчику задают тему: «Порок наказывается, добродетель торжествует». Сочинение, в форме хрии или рассуждения, должно быть представлено через три дня, а иногда и завтра. Что может знать мальчик о пороке или добродетели? Для него это – отвлеченные и неопределенные понятия; в его уме нет никакого представления о пороке и добродетели: что же напишет он о них? Не беспокойтесь – реторика выручит его: она даст ему волшебные вопросы: кто, что, где, когда, как, почему и т. п., вопросы, на которые ему стоит только отвечать, чтоб по всем правилам науки молоть вздор о том, чего он не знает. Реторика научит его брать доводы и доказательства от причины, от противного, от подобия, от примера, от свидетельства, а по-

том вывести заключение. Удивительная школа фразерства! Ясно, что «риторика есть наука красно писать обо всем, чего не знаешь, чего не чувствуешь, чего не понимаешь». Удивительная наука! Заикку она делает краснобаем, дурака – мыслителем, немого – оратором. И потому, когда прочтут драму, в которой оболгано сердце человеческое, говорят: риторика! Когда прочтут роман, в котором оболгана изображаемая в нем действительность, говорят: риторика! Когда прочтут пустозвонное стихотворение без чувства и мысли, говорят: риторика! Когда услышат взяточника, рассуждающего о благонамеренности, лицемера, рассуждающего о развращении нравов, говорят: риторика! Словом, все ложное, пошлое, всякую форму без содержания, все это называют риторикой! Учитесь же, милые дети, риторике: хорошая наука!

Всякая наука должна иметь определенное, только ей одной принадлежащее содержание; она не должна соединять в себе нескольких наук вдруг. Так как наука есть органическое построение идеальной сущности предмета, составляющего ее содержание, – то в ней все должно выходить и развиваться из одной мысли, а эта мысль должна быть вполне схвачена ее определением. Г-н Кошанский даже не позаботился определить, что такое риторика и какое ее содержание. Он начинает с того, что ничто столько не отличает человека от прочих животных, как сила ума и дар слова. До сих пор мы думали, что человека отличает от животных разум, а не сила ума. По определению г. Кошанского, выхо-

дит, что и у животных есть ум, только не столь сильный, как у человека. Сила ума, по мнению г. Кошанского, открывается в понятиях, суждениях и умозаклучениях, составляющих предмет логики. Дар слова заключается в прекраснейшей способности выражать чувствования и мысли, что составляет предмет словесности; а словесность заключает в себе грамматику, ретику и поэзию (поэзия – наука!..) и граничит с эстетикою. Потом грамматика занимается у г. Кошанского словами; реторика – преимущественно мыслями (которыми недавно занималась у него логика); поэзия – чувствованиями (стало быть, в поэзии нет мыслей!..); в эстетике хранятся (словно в архиве!) мечтательные начала не только словесных наук (грамматики, ретики и поэзии!..), но и всех искусств изящных...

Скучно говорить о таких странностях... виноваты – о такой реторике, т. е. о таком наборе слов, лишенном всякого содержания, всякого значения, всякого смысла. «Реторика» г. Кошанского, как и все реторики, говорит и о родах прозаических сочинений, учит: как писать историю, как писать ученые трактаты, как описывать то или другое, как писать письма... Что за нелепость! Да разве всему этому выучиваются? Это все равно, что учить (по книге), как вести себя на похоронах и как держать себя на свадьбе, как обращаться на балу и как разговаривать на званом обеде. Дайте молодому человеку прочесть несколько хороших исторических сочинений, познакомьте с хорошими авторами, между сочи-

нениями которых есть и описания, и рассуждения, и письма, и разговоры, – и он сам поймет, как что пишется. Но вы непременно хотите исказить естественное развитие, хотите знакомить ум детей с предметами, которые не поражали их чувства, – и удивляетесь, что из ваших учеников выходят автоматы, которые отлично-хорошо знают, как что пишется, а сами не умеют ничего написать и не в состоянии понять и оценить написанного другими, Г-н Кошанский, по обычаю всех риторов, от Василия Кирилловича Тредиаковского, профессора элоквенции, до риторов нашего времени, разделяет слог на высокий, средний и низкий и обстоятельно объясняет, какие сочинения каким слогом пишутся. Г-н Кошанский забыл глубокомысленное выражение Бюффона: в слоге весь человек, – забыл, что, кроме небывалых высокого, среднего и низкого слогов, есть еще неисчислимое множество действительно существующих слогов: есть слог Ломоносова, есть слог Державина, слог Фонвизина, Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Грибоедова и проч. Он забыл, что слогов не три, а столько, сколько было и есть на свете даровитых писателей.

И потом: что за пустая манера разделять сочинения на роды по внешней форме и определять, к какому роду сочинений какой приличен слог? Вы были свидетелем наводнения, разрушившего город: в вашей воле описать его в форме письма юта в форме простого рассказа. Слог вашего описания будет зависеть от характера впечатления, которое произвело

на вас это событие. Как можно сказать, каким слогом должно вам написать письмо к вашему брату о смерти вашего отца? В наставлении о написании рассуждений г. Кошанский ввел логику: жаль, что не включил он в свою ретику ни географии, ни минералогии!.. Что за нелепости пишутся под именем «ретику»!

Всякая ретику есть наука вздорная, пустая, вредная, педантская, остаток варварских схоластических времен; все ретику, сколько мы ни знаем их на русском языке, нелепы и пошлы; но ретику г. Кошанского перецеголяла их всех. И эта книга выходит уже девятым изданием! Сколько же невинного народа губила она собою!